

С. С. Комиссаренко

Российский этос: социально-культурный дискурс

В статье рассматривается российский этос в контексте социально-культурных процессов, характерных для современного общества. Раскрывается сущность основного понятия «российский этос» и обосновываются его составляющие элементы. Выявляются ценностно-нормативные проблемы этоса настоящего времени и раскрывается его потенциал в социально-культурном развитии России.

Ключевые слова: этос, ценности, нормы, поведенческие стратегии, стратификация, культурное качество

Svetlana S. Komissarenko

Russian ethos: socio-cultural discourse

The paper deals with the Russian ethos in the context of socio-cultural processes typical for modern society. Article reveals the essence of the basic concept «Russian ethos» and substantiates its constituent elements. Value-normative problems of the present time ethos and its potential in the social and cultural development of Russia are disclosed.

Keywords: ethos, values, norms, behavioral strategies, stratification, cultural quality

Актуальность обращения к проблеме российского этоса связана с «вечными» для России вопросами: «Кто мы», «Куда идем» и «Что делать?». Ответы на данные вопросы находятся в поле дискурса, где каждый, кто пишет и изучает российский этос, ищет решения не только исходя из своей профессиональной принадлежности, но и личностной позиции, без которой, на наш взгляд, данная тема не может быть раскрыта в той или иной степени. Постановка вопроса российского этоса уже является научной проблемой, поскольку ответить на данные вопросы не смогли не только философы русской гуманистической мысли XX столетия, но и ученые XXI в., рассматривающие российский этос с различных точек зрения. Поэтому, исходя из ситуации острой проблемности темы, а также ее многоаспектности и вариантности подходов, необходимо сказать, что нами взят за основу рассмотрение социально-культурологический подход. Данный подход, на наш взгляд, позволяет подойти к рассмотрению российского этоса с позиций: а) его родовой сущности; б) его осмысления как явления социально-культурного порядка; в) понимания сложности социально-культурных процессов, для которых характерны сегодня определенная рефлексия и энтропийность развития.

Российский этос представляет собой ценностно-нормативную систему, включающую поведенческие стратегии и модели образа жизни, выработанные в соответствии с национально-этическими представлениями. Данные составляющие являются структурными элементами российского этоса, которые регулируются нравами, созданными обычаями и закрепляются традициями. Являясь базовой основой культуры общества, этос по своей сущности может быть

разнообразен. Так, есть этос японский, американский, французский и т. д., как и этос различных социально-профессиональных групп, сообществ, отдельных субкультур, а также существует этос организаций и учреждений.

Таким образом, российский этос отражает качественные характеристики разнообразного жизненного мира общества, включающего поведенческие, мировоззренческие, языковые, ценностно-нормативные составляющие. Жизненный мир – это, прежде всего, мир культуры, без которой существование любой общности просто не может быть поскольку «в культуре осуществляются цели общества»¹.

Взаимодействие людей в социальном пространстве любого сообщества осуществляется в пределах этоса, регулирующего данные взаимодействия согласно национальной специфики его проявления и накопленного социально-культурного опыта. Этико-нормативными регуляторами, обеспечивающими проявление любого сильного этоса, выступают нравственные императивы. По мнению Э. В. Соколова императивность норм поддерживается не индивидуальным разумом, а общественным мнением. Роль норм в общественной жизни многообразна. «Она поддерживает устойчивость традиций, институтов и личных взаимоотношений; сплоченность общества позволяет оценить поступки; указывает наиболее разумные, проверенные на практике способы деятельности»². Традиционно этические нормы связаны с нравственностью. Для России неизменно понимание нравственности, содержащей константные величины: правда, праведность, правдолюбие, возвышенность, благородство, справедливость, самоотверженность,

открытость, искренность, скромность, умение прощать, внутреннее благообразие.

Онтологическое значение этоса заключается **не в декларативно заявляемых аксиомах**, какими должны быть национально-этические установления, **а в реально существующей практике их реализации. В пересечении «должного» и «фактического» проявляется огромная проблема российского этоса**, ибо реальная действительность не отражает его в полной мере по целому ряду несоответствий. Прежде всего, по социальной раздробленности российского общества, которое не является сегодня единым и не отвечает целому ряду этосных критериев. Любое глубинное дистанцирование в социальной структуре несет в себе потенциал разрушения этого общества. Дистанция в общественной жизни необходима как естественное функционирование общественных процессов, когда мобильность позволяет обществу постоянно меняться, стратифицироваться, обновляться и развиваться. Но, если процессы мобильности затруднены, общественные лифты «закупорены» властвующими или господствующими группами, то дистанция углубляется и расширяется, образуя не только пропасть между различными стратами, но и содержит деструктивные тенденции. Рано или поздно они модифицируются в разрушительные течения взаимоуничтожения. В этом случае, процессы взаимодействия сводятся лишь к внутригрупповому, а не межгрупповому сотрудничеству и тогда наступает предстояние общественной аномии. Полная аномия наступает, по мнению Э. Дюркгейма, когда общество обретает «ценностно-нормативный вакуум, характерный для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились»³.

Сегодня в России стратификационные разрывы определяют не просто дистанцированность различных слоев друг от друга, но и фиксируют обособленные ценностные поля, что свидетельствует о слабости этоса. С одной стороны, ценности, обладая мощным социально-культурным потенциалом, способны солидаризировать российское общество, а с другой – разъединять его по различным ориентациям.

Так, верхние страты общества демонстрируют ориентацию на ценности физиологических удовольствий и материальных благ, реализация которых уже осуществляется в реально существующих «метапотребительских ценностях». Жизненные поведенческие стратегии больше соотносятся с тактическим направлением поведения брать от жизни как можно больше «здесь» и «сейчас».

Средние страты российского общества, нахо-

дясь в аморфном стратификационном положении, предельно ограничены в выборе ценностных ориентаций. Традиционно, склоняемые в сторону духовных ценностей, они не в состоянии противостоять обрушившему на них массиву материально-вещественных ценностей. Однако, их сопротивляемость слишком слаба, ибо, все, что касается духовного наполнения ценностей, отвергается реальной практикой жизнедеятельности российского этоса. Средние слои общества находятся в неопределенном состоянии между традиционными стремлениями удержать такие ценности как: совесть, стыд, правда, справедливость, правопорядок, законопослушание и т. д. и их не возможностью применения в жизненной практике. Их поведенческие стратегии размыты, неотчетливы, особенно в отношении будущего и даже проявляются в виде футурофобии как его боязни, чем ожиданиями на позитивные изменения. Ибо жизненный опыт многих из представителей среднего класса больше связан с разочарованиями в общественном развитии и потерями надежд на какие-либо модернизационные реформы, доведенные до конечных положительных результатов. Что касается нижних страт российского общества, то можно зафиксировать полную аномию, следствием которой является социальная отчужденность, общественная инертность и отсутствие социальных потребностей, а также растущая криминализация и нравственная деградация их представителей.

Сегодня утрачивают свое значение и уходят из ценностного реестра многие национально-этические ценности, когда-то укрепляющие этос России. Так, ценность труда уступила место ценности досуга, в котором релаксационно-развлекательная деятельность доминирует над иными видами деятельности. В конечном итоге, это привело к углублению кризисных явлений российского общества, и связанными с ними приоритетными ориентациями на ценности индивидуализма, благополучия, комфорта и гедонизма.

Во все времена российской истории труд являлся не только условием общественной жизни, но и наделялся аксиологическим смыслом. Любая общественно-политическая эпоха создавала, вырабатывала свои условия для формирования трудовой мотивации. В России в начале XVIII столетия служба являлась главной обязанностью «регулярных» граждан. Петром I в Табеле о рангах было предписано служить государству конкретным делом. А в «Жалованной грамоте городам», изданной в 1785 г. Екатериной II служба государству провозглашалась ценностью для городских сословий (ремесленников, купцов), а для дворянства становилась – честью, т. е. высшей ценностью.

Следствием утраты труда как ценности произошла потеря трудовой этики, формирующейся в процессе создаваемого продукта. Результатом труда сегодня стал не только сам продукт, но и услуга, которая стала вдруг целью образования и целью культурного воспитания подрастающего поколения. Трудовое поведение заменилось поведением организационным, которое принесло ценности не труда, а организации. Ориентация на прибыль исключила ориентацию на человека. Трудовое воспитание заменилось корпоративным обучением, сводимого к лояльности сотрудников в отношении своего работодателя. Насаждаемые средствами массовой информации, особенно российским телевидением, способов получения огромных сумм денег в развлекательно-игровой форме, разрушило в обществе естественную мотивацию к трудовой деятельности.

В итоге Россия перестала быть конкурентоспособной страной. Конкурентоспособность потеряли специалисты различного возраста и различных отраслей, включая молодых специалистов, которые выходя из высших учебных заведений уже не конкурентоспособны на рынке труда. Их не конкурентоспособность объясняется отсутствием адаптивности к быстро меняющемуся постиндустриальному миру. Также не конкурентоспособны наши пенсионеры по сравнению с пенсионерами Западной Европы и США. Они находятся на грани выживания и естественным образом исключаются из различного рода социально-культурных процессов.

Таким образом, этос выявляет социальные болезни и диагностирует их. По выражению ученого А. И. Пригожина, российский этос обнажил социальную бедность России и отсутствие качества этоса, отражающего, по мнению ученого, в «качестве труда, отношений, решений, условий, досуга, вещей... к качеству всего»⁴.

Любое общество измеряется его качеством. Качество жизни, например, есть интегральное понятие, включающее не только общеизвестные стандарты и потребительские параметры жизнедеятельности, но, прежде всего, включающее культурное качество. Категория культурного качества жизни содержит диапазон различных позиций: от культуры поведения человека в обществе до качества культуры создания произведения искусства. Культурное качество обладает своеобразной спецификой, которая заключается в элитарности как антитезы «все сокрушающей индустрии массовой культуры»⁵. Культурным качеством измеряется и «ценность и качество общественности. Давно уже происходящая в мире демократическая революция не оправдывает себя высокой ценностью и высоким качеством той культуры, которую она несет с собою в мир. От

демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве, некрасивой, лишенной стиля»⁶.

Российский этос способен не только обнажать проблемы, но и находить ответы на самые конкретные реально существующие вопросы. Сегодня надо «строить дороги» в непосредственном и метафорическом смысле, что бы по ним идти и надо знать, куда и зачем идти. Но, перед тем как идти необходимо разработать маршрут или план действия, чтобы из общества потребления стать обществом созидания. Для этого, по мнению В. В. Ильина, А. С. Панарина, А. С. Ахиезера, России необходима Духовная Реформация, заключающаяся в возврате к «нормальной иерархии ценностей, адекватному соотношению целей и средств (сейчас – вещь цель); осуществлению новой аскезы; укрощению потребительской алчности. Реформация есть процесс обретения просветления страной, оказавшейся на распутье»⁷. Страна, которая оказалась «на распутье» т. е. в состоянии выбора своего пути должна осознавать значимость усиления этоса в создании не декларативной, а действенной ценностно-нормативной системы. В выработке не провозглашаемых национально-этических требованиях, а в реально существующих этических нормах, обеспечивающих взаимодействие членов российского общества в процессе повышения культурного качества жизни. От культурного качества зависит уровень конкурентоспособности, как целого общества, так и каждого россиянина в отдельности.

Примечания

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии. Письмо шестое. Об аристократизме // Русское зарубежье: из ист. социал. и прав. мысли. Л., 1991. С. 217.

² Соколов Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры: учеб. пособие. Л.: ЛГИК, 1989. 73 с.

³ Дюргейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 331.

⁴ Пригожин А. И. Российский этос: обогащение или лечение // Обществ. науки и современность. 2006. № 2. С. 30, 33. URL: <http://ecsosman.hse.ru> (дата обращения: 16. 10. 2014).

⁵ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модерниз. процессов. М.: Изд-во МТУ, 1996. С. 265.

⁶ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 217.

⁷ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 261.